

Н. Ф. ДЕНИСЮК

Помпадуры Щедрина

Цензурное усмотрение и чиновное творчество по части разных препон, повреждений, разгромов и других всякого рода и вида опустошений и обузданий буйств духа, юридически осуществляющихся в форме циркуляров, словесных приказаний, дружественных писем и т. д., поставило непреодолимые преграды для нашей научной мысли и художественной литературы. Изо дня в день, в многочисленных департаментах, с 10 до 4 часов утра, ткнут тонкую паутину отношений, предписаний и другого вида наказов, направленных против всего живого или стремящегося к жизни на территории, раскинувшейся «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Жизнь всего мира и жизнь нашей страны является канцелярским достоянием и тайной, до обывателей не касающеюся. Чиновничья опека над всяческими проявлениями буйств духа среди обывателей китайской стеной отгородила «престол-отечество» от остального цивилизованного мира с таким расчетом, чтобы никакой «ни вран ни волк» западно-европейского вольтерьянства не мог ни пробежать, ни пролететь в заколдованное царство сна и могильного покоя.

Вы имеете только одно право, дарованное вам в этой стране, это — право родиться, а с этого момента каждый ваш шаг, каждое ваше слово, каждый ваш рубль, каждая ваша мысль, каждое ваше желание поступают под надзор администрации и от ее доброй воли зависит разрешить или прекратить. Все хорошо знают пословицу: «У семи нянек дитя без глаз». Не знаю, сколько нянек у русского общества, ибо перечисление оных представляет многочисленные затруднения. Но что оно без глаз, это известно хорошо всем, так как орган гласности — литература — имеет возможность, благодаря цензуре, так же хорошо видеть, как и выколотый глаз, а печать, несомненно, глаза общества. Среди этого литературного мрака, где могут жить только те, для которых свет не представляет необходимого условия существования, теплеет путе-

водный огонек, указывающий русскому обществу путь и освещающий действительное положение вещей, — это сатира Щедрина.

Как умудряется этот гениальный писатель на глазах у представителей цензурного ведомства говорить обществу такие вещи, о которых не всякий решится прошептать сам себе на ухо, боясь близости полицейского чина, это — его секрет или, вернее, секрет его таланта. Каким образом он может выводить публично на сцену, в таком разоблаченном виде, представителей той самой власти, которая одним почерком пера могла бы литературную деятельность Щедрина превратить в небытие — сугубый секрет. Впрочем, секрет, до известной степени поддающийся объяснению. Когда древняя красавица явилась во всем блеске своего обнаженного тела перед суровыми судьями и раздалась фраза: «Если можете, осудите», они забыли все, кроме этого неподражаемого явления природы, этого дивного тела. С цензорами Щедрина происходит нечто подобное. Когда он сдергивает покровы со своих помпадуров и чиновников различных рангов и они являются во всей неподражаемой красоте своего безобразия, рука с красными чернилами, зачарованная, опускается, очи бдительного чтеца невольно и неотразимо приковываются к этому зрелищу, и он, вопреки вороху циркуляров, противоречащих друг другу и дамокловым мечом висящих над бедной русской печатью, снисходительно отпускает очерк Щедрина с миром, лишь для очистки совести и формального оправдания слегка искалечив его и обезвредив с цензорской точки зрения.

Эта эстетическая точка зрения на начальническую бдительность, конечно, объясняет положение дела только лишь отчасти. Во-первых, не всегда цензор может быть расположен к эстетическим наслаждениям, а также, далеко не всегда невольный, его восторг парализует циркулярное предписание, а мысль о формуляре и пререканиях с центральным ведомством может лишь изредка, в исключительных случаях, тускнеть и уступать место гражданским и эстетическим чувствам. Следовательно, у Щедрина есть еще, очевидно, в запасе какое-нибудь «рыбье слово». Есть. Это его удивительная способность говорить намеками, полуфразами, прозрачными шутками, прозрачными иносказаниями, параллелями, сближениями, подмигиваниями, паузами, кажущимся добродушным тоном, равнодушным отношением к предмету и т. д. — словом, талант нашего автора располагает целым арсеналом удивительных и остроумных способов провести благополучно свою мысль, через рифы и канканы, в открытое море беспрепятственного пользования читающей публики. Читатель Щедрина прошел особую «щедринскую» школу и так ловко научился читать своего автора между строк, так прекрасно постигает

непечатную и ненапечатанную речь, что все новоизобретенные препоны оказываются почти бессильными. Когда читаешь Щедрина, то кажется, что он издевается над хитросплетениями ведомства, заведующего очисткой поля русской литературы от плевел и ядовитых злаков, и со свойственной ему ловкостью лавирует между статьями цензурного устава, ныряя в опасные моменты, показываясь, по миновании опасности, и именно там, где его никто не ждал, изобретая такие слова, которые, объяснив все, что автору надо в данном случае, нельзя подвести ни под какой криминал.

Передо мною прошел целый ряд номеров «Отечеств. зап.», с новыми очерками Щедрина, где изображались разного вида помпадуры¹. Уже по этому одному ясно, что очерки эти допущены начальством к распространению среди общества, так тщательно оберегаемого от тлетворного влияния научных знаний и общественных идей, распространяемых печатным станком.

Подойдите поближе к этому вершителью судеб русского общества, взгляните пристальнее в его физиономию. Теперь вы узнаете его? Конечно, узнаете. Это один из тех, от которых зависит ваше существование. Коснется он вас — и... «где ты человек»; пройдет невзначай мимо, не зацепив, не повредив и не разорив, — и вы можете до поры до времени свободно дышать, пока он снова не станет свершать путь по своей административной орбите, с воплями: «Го-го-го... га-га-га... Убрать!.. Прекратить!.. Искоренить!..» Это он превращает вашу жизнь в какую-то лихорадку, перемежающуюся надеждою на послабления, зависящие от его начальнической воли, личного усмотрения или каприза. Эта начальническая воля, это усмотрение, этот вотчинный взгляд на пространства, население, и вся «иже, на земле, в водах и под землею» объясняют все главнейшие явления нашей общественной жизни. Что такое для помпадура губерния? Вотчина. Сначала он в чухломском имении распоряжался, теперь распоряжается в губернии.

Какая же тут разница? Конечно, никакой. Там он делал, что хотел, и здесь он делает, что хочет. Иначе, для чего же он «поставлен»? Надо полагать, не для того же, чтобы согласовать свои действия с какими-то бытовыми, экономическими и юридическими возможностями. Он — пастух, а все остальное — стадо. Это же ясно как день. Если он начнет приводить в «законную» связь свои действия с какими-то там посторонними для него соображениями, то что же тогда будет... *Всякий* начнет сначала *просить*, а затем *требовать*, понимаете, *требовать!* Если вы удовлетворили раз требование, потребуют и во второй, — такова уже природа обывателя. Привычка требовать войдет в обиход, станет обычным способом, при котором уже обыватель не ждет, пока его

нужды найдет начальство заслуживающими удовлетворения, а станет заявлять о своих нуждах. Ах, какой это опасный путь! Раз обыватель увидит что неблагополучие можно превращать в благополучие, это тотчас же породит бесконечное количество нужд, а разыскание оных нужд вызовет вкус к *коллективным* заявлениям, к скопу!..

Если можно *просить*, то отсюда, следовательно, *implicite*, в этом разрешении заключается уже и право *обсуждать* свои просьбы. А это, знаете, как называется? *Петиция!*.. Если у вас еще не встали волосы дыбом, то теперь они встанут. Право петиций или даже одна только их возможность, по упущению начальства, означает то, что обыватель стал заниматься «внутренней политикой». А раз он станет рассуждать об этом предмете, где тогда, спрашиваю я вас, очутятся авторитеты? Какой-нибудь неумытый работник, пейзан или сорвавшийся с цепи интеллигент из писак или адвокатов, начнет порицать действия авторитетов, соваться в дело, до него не относящееся... Для них, конечно, се *potage est délicieux**, но я сомневаюсь, чтобы это грубое, нелепое блюдо принесло пользу бюрократическому порядку. Это недопустимо!.. Это нарушает и вековые устои государства и, просто, тот обычный, элементарный порядок, который совершенно необходим для успешного собирания податей и повинностей. *Me comprenez-vous**?*

Всякий народ должен делиться на две неравные половины: на начальствующих безусловно и подчиняющихся безусловно. Иначе никакой помпадур не может отвечать за благоденствие вверенного ему края. А так как каждый край имеет свои особенности и свои потребности, то отсюда ясно, что и законы для каждого случая и каждой территории может издавать только он, помпадур, ибо только ему одному в точности известно, где зимуют раки данной губернии. Словом, нужна *децентрализация*, т. е. полная свобода действий помпадура, не стесненная ничем, кроме его хотения. Поставьте между его волей и жизнью вверенного ему края закон, и помпадур бессилён привести все к одному знаменателю, ибо *всякий* начнет совать ему под нос этот закон, т. е. опять-таки *все* станут вмешиваться в дело, до них не относящееся.

Понимаете ли, какие открываются перспективы? Ну, допустим, что помпадур начнет «ходить по точному смыслу закона». Вы знаете, чем это пахнет? Началом правового порядка в стране!.. Не более и не менее!.. Ежели помпадуры приучат обывателя к точному смыслу и незыблемо-

* Эта похлебка очень вкусна (фр.). — *Ред.*

** Понимаете ли вы меня? (фр.). — *Ред.*

сти закона, то он, обыватель, думаете, не перейдет к мысли о том, что было бы недурно, ежели бы оное правило распространено было и на левый берег Невы? Перейдет. За это можно ручаться. Отсюда ясно, что он, помпадур, является только лишь одним из звеньев тяжелой цепи, опутавшей русскую действительность. Это — частичное проявление той силы, которая держит и направляет все вокруг вас; это — маленький рычажок, один из тысяч рычажков, похожих, как две капли, друг на друга, которыми управляется бюрократическая машина России. Все они говорят о целостности государства, спокойствии и мирном житии и все действуют так, как если бы они находились в завоеванной стране.

Когда я мысленно представляю себе помпадура, то мне кажется, что с правой стороны у него лежат усмотрения и циркуляры, а с левой — законы. Вот почему всякое требование законности передвигает вопрос *влево*. А что произойдет, милостивые государи, если мы начнем передвигаться влево? То-то же... Сегодня вершок влево, завтра вершок влево, а послезавтра: «Принимая в расчет сложность государственной жизни и безусловную необходимость для успешного и всестороннего удовлетворения требований и нужд страны такого законодательного аппарата, который способен был бы гарантировать обществу свободу печати, собраний, сходов, личности, устанавливал бы общественный контроль над бюджетом страны и исполнительной властью...» Вы понимаете, чем это пахнет? Стало быть, где же тогда очутятся помпадуры? И вы хотите, чтобы они собственными руками... Наивные... Правда, помпадуры не избилуют качествами Ньютонов, но ведь разрешение этой задачи так несложно, так просто и наглядно, так суется само в глаза, что помпадуры сразу постигают, в чем тут секрет, и голоса их еще пуще прежнего несутся по дремучему лесу русских обязанностей и Сахаре русских прав. «Го-го-го... га-га-га...» Снуют квартальные, рыщут ищейки, и с утра и до ночи идет расправа и децентрализация.

Словом, децентрализованные чиновники водружают на Руси патриархальный строй, где они, «заместо» отцов и благодетелей, пасут необозримые, неприведенные в ясность стада обывателей, карают и милуют сообразно настроению духа в данный момент и состоянию начальнического желудка и кишечника.

Там, где существует *такая* децентрализация, смешно говорить о правах, обязанностях, законе, законности, справедливости, ответственности, свободе и, наконец, о разумном существовании.

Французская декларация прав человека и гражданина гласит: «Закон должен охранять личную и общественную свободу против угнетения власть имущих». Скажите-ка об этом помпадуру, и тогда посмотрим, где вы вынырнете! Это ему-то, помпадуру, вы хотите по-

ставить препоны, которые он один имеет право расставлять на всех перекрестках вверенной ему губернии? Ну нет, это уж вы «танцуйте назад»... Чтобы между помпадуром и «вверенным» ему обывателем стал какой бы то ни было том, какая бы то ни было статья или примечание закона, он этого не допустит. Это уж *comme vous voudrez**.

Он не допустит ответственности чиновников. Пред кем может быть ответственно начальство? спрашиваю я вас. Разве он, помпадур, может отвечать за губернию, если *каждый* будет иметь право вмешиваться, обследовать, привлекать, критиковать?.. Разве может тогда правильно работать административная машина? Он, только *он один* знает, где и в каких размерах административная машина требует смазки; он только один и подведомственные ему чины могут распоряжаться наличным количеством морд, зубов, карманов и загривков.

При этих условиях, конечно, никакие законы не принесут правопорядка, ибо ничто не может заставить помпадуров исполнять эти законы.

Угрюмо и безмолвно будут стоять известные томы в шкапах «учреждений», свидетельствуя лишь о том, что известный ученый французский юрист Лабулэ² был глубоко прав, когда писал, что «закон теряет всякую силу там, где правительство и его агенты имеют возможность безнаказанно нарушать его».

Какими бы благими намерениями ни было бы одушевлено наше правительство, каково бы ни было законодательство нашей страны, наконец, какими бы личными добродетелями ни были одержимы наши помпадуры, страна будет страдать от произвола власти. Наши законы, вероятно, не хуже английских и французских, а между тем длинные зубы Джон-Буля³ и его крепкий затылок значительно лучше ограждены от начальнических наскоков, чем это замечается у нас. И это только лишь потому, что там существует гражданская и уголовная ответственность всех чиновников, и не только существует она на бумаге, но и на деле.

До тех пор, пока не будет этого и у нас, мы всегда будем слушать «га-га-га... го-го-го...» наших помпадуров всех степеней и рангов. Там, где государство существует и управляется страхом и для страха, наводимого нарочито поставленными на сей предмет помпадурами, там не очень привольно и весело живет объектам такой системы, периодически усмиряемым и существующим для своевременного и неукоснительного сбора податей, прямых и косвенных налогов и тому подобных почтенных и обязательных функций.

* Как вам будет угодно (фр.). — Ред.